

работа была издана в 1967 г.⁵⁵ Учтя опыт Н. В. Устюгова и Л. В. Черепнина в создании учебных пособий по хронологии, Е. И. Каменцева более обстоятельно изложила историю создания лунной и солнечной систем летосчисления, календаря у славян, а также древних систем счета времени у народов СССР (древнегрузинской, древнеармянской, монгольской, тюрко-монгольской, мусульманской и григорианской). Помимо описания этих систем летосчисления, в книге приведены таблицы и формулы для перевода дат на современное летосчисление. Практическое значение имеют также таблицы для перевода дат на современную систему летосчисления, сведенные в учебном пособии по хронологии М. Я. Сюзюмова.⁵⁶

Историографический анализ показывает, что в русской и советской литературе накоплен большой опыт в исследовании древнерусской хронологии. Вместе с тем в этой области осталось много нерешенных вопросов, связанных с продолжением тематики уже выполненных исследований, изучением древнерусской хронологии после XIV в. и анализом данных по хронологии в нелетописных памятниках для всего древнерусского периода.

Н. А. КАЗАКОВА

НЕКОТОРЫЕ ТОПОНИМЫ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ XV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

Псковская земля расположена по берегам обширного водоема, который делится на три части: северную, занимающую наибольшую площадь, известную сейчас под названием Чудского озера, южную, меньшего размера — Псковское озеро и среднюю, соединяющую оба озера и имеющую вид сравнительно широкой протоки, — Теплое озеро.

В псковских источниках феодального периода разные части водоема имели также различные названия. Однако точной идентификации их с современными названиями в литературе не существует. Автор настоящей статьи, не ставя своей целью изучение наименований Чудско-Псковского водоема на протяжении всего феодального периода, попытался провести топографическое определение некоторых из топонимов озерного края, встречающихся в сохранившихся источниках XV—первой половины XVI в. Такое хронологическое ограничение обусловлено тем, что в рассматриваемое время озера занимали большое место не только в экономике Псковской земли, но и в ее внешнеполитической истории, поскольку псковско-ливонская граница проходила в зна-

⁵⁵ Е. И. Каменцева. Хронология. М., 1967.

⁵⁶ М. Я. Сюзюмов. Таблицы по хронологии (пособие к спец. курсу «Техническая хронология»). Изд. 2. Свердловск, 1968.

чительной части через озерный край, следовательно, правильное понимание связанных с ним топонимов, упоминающихся в источниках того времени, имеет особое значение.

В псковских летописях¹ применительно к различным частям водоема встречаются три названия: Чудское озеро, Великое озеро и Псковское озеро. Попытка топографического определения этих названий и идентификации их с современными сделана в указателях к первым восьми томам Полного собрания русских летописей и изданию Псковских летописей А. Н. Насоновым. В указателе к первым восьми томам Полного собрания русских летописей к названию «Чудское озеро» в скобках добавлено: «Псковское, Великое»,² из чего следует, что составители указателя считали два последних названия лишь другими наименованиями Чудского озера. Той же точки зрения придерживаются составители указателя к изданию Псковских летописей А. Н. Насонова, в котором в постраничные ссылки к слову «Чудское озеро» включены пояснения: «названо Псковское оз.», «названо Великое озеро».³

Название «Чудское озеро» встречается в псковских летописях два раза: под 6750 г. в рассказе о Ледовом побоище и под 6886 г. (или 6888 г.) в кратком известии об «истоплении» в Чудском озере нескольких людей.⁴ Название «Великое озеро» упоминается также два раза: под 6970 г. в известии о построении псковичами на берегу Великого озера нового городка (в некоторых списках он назван Кобыльим) и под 6988 г. в рассказе о походе псковского и великокняжеского войска «по Великому озеру к костроу немецкому».⁵ Первое известие с упоминанием озера Великого позволяет сделать вывод о том, что в данном случае Великим озером действительно названо Чудское, ибо, как установлено археологами, городище Кобылий находится в юго-восточном углу побережья Чудского озера.⁶ Второе известие с упоминанием Великого озера — о походе псковичей и великокняжеского войска по Великому озеру к немецкому замку — не дает столь прочных оснований для отождествления Великого озера с Чудским, ибо неизвестно, о каком именно немецком замке идет речь. Название «Псковское озеро» встречается в псковских летописях один раз — под 6915 г. в известии об избиении на Псковском озере немцами

¹ А. Н. Насонов различает три псковские летописи: Первую псковскую летопись, в основе которой лежит свод 1469 г.; Вторую летопись, составленную в конце 80-х годов XV в., и Третью псковскую летопись — свод 1567 г. игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия (Псковские летописи, выпуск второй. М., 1955, Предисловие, стр. 6).

² Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отдел второй. СПб., 1907, стр. 562.

³ Псковские летописи, выпуск второй, стр. 362.

⁴ Псковские летописи, выпуск первый. М.—Л., 1941, стр. 24, 118; выпуск второй, стр. 13, 29, 82, 106.

⁵ Псковские летописи, выпуск второй, стр. 150, 220.

⁶ П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного водчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. МИА СССР, № 105, 1961, стр. 136—197, рис. 132.

псковичей, возвращавшихся из набега за Нарову.⁷ Составители указателей к изданиям летописей считают, что в данном случае Псковским озером названо Чудское. Нам это мнение представляется недоказанным, так как встреча возвращавшихся домой псковичей с немцами могла произойти на Чудском озере, или на Теплом, или на собственно Псковском озере. Летописные известия не дают, таким образом, прочных оснований для идентификации интересующих нас топонимов.

Обратимся к источникам актовым. В договорах между Псковом и Ливонией и между Псковом и Дерптским епископством постоянно упоминается озеро Великое: в статьях о рыболовстве на Великом озере устанавливается, что немцы должны ловить рыбу у своего берега, псковичи — у своего, а если благодаря ветру или «немоци» ловца занесет на противоположную сторону озера, то вины в этом нет. Анализ этих статей, а также состава участников каждого из договоров помогает понять, какую именно часть акватории Чудско-Псковского водоема обозначал топоним «Великое озеро».

Самый ранний из сохранившихся договоров между Псковом и Ливонией — договор о шестиметнем перемирии 1503 г. — был заключен с ливонской стороны от имени ливонского магистра и рижского архиепископа.⁸ Рижское архиепископство с интересующим нас водоемом не соприкасалось. Ордену же принадлежало северо-западное побережье Чудского озера.⁹ Следовательно, мы вправе предположить, что статья о рыболовстве на Великом озере договора 1503 г. регулировала правила рыболовства на Чудском озере (преимущественно в его северной части) и под «Великим озером» в договоре подразумевалось Чудское озеро.

Несколько иной вывод заставляет делать анализ статьи о рыболовстве на Великом озере наиболее раннего из сохранившихся псковско-дерптских договоров — договора Новгорода и Пскова с Дерптским епископством 1474 г. В статье указывается, в частности, что псковичам «ловити не ездити на юрьевскую сторону»,¹⁰ т. е. к берегу, принадлежавшему Дерптскому епископству. Владения же Дерптского епископства простирались по западному побережью нынешних Чудского и Теплового озер.¹¹ Получается, таким образом, что статья о рыболовстве на Великом озере договора 1474 г. определяла условия рыболовства как на Чудском, так и на Теплом озере и топоним «Великое озеро», употребленный в этом договоре, включал акваторию обоих озер.

Наиболее важными для идентификации не только топонима «Великое озеро», но и встречающегося в псковских источниках

⁷ Псковские летописи, выпуск второй, стр. 34, 116.

⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, № 347, стр. 383.

⁹ Карта «Ливония первой половины XVI века». В кн.: История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, стр. 283.

¹⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 78, стр. 134.

¹¹ Карта «Ливония первой половины XVI века».

XV—XVI вв., как мы уже упоминали, топонима «Псковское озеро» являются договоры Пскова с Ливонией 1509 и 1531 гг. и договор Пскова с Дерптским епископством 1509 г. Статьи о рыболовстве этих договоров выглядят следующим образом: «А озеро Великое псковичомъ ловити къ своему берегу, а за озеро Великое псковичомъ ловити не ездити на немецкую сторону. А станеть, по грехомъ, изнеможенье — ветромъ занесеть псковского ловца на немецкую сторону, — ино в томъ пени нетъ. Также и немцомъ озеро Великое ловити не ездити на Псковскую сторону; а по грехомъ станеть ли изнеможенье — занесеть ветромъ немецкого ловца на Псковскую сторону, ино в томъ пени петъ. А во Псковское озеро немцом ловити не ездити».¹²

В приведенных статьях четко различаются Великое и Псковское озера: в первом разрешается рыбная ловля как псковичам, так и немцам (каждой стороне у своего берега), во втором — рыбная ловля немцам запрещена. Поскольку дерптский епископ являлся участником всех трех договоров (договоры между Псковом и Ливонией 1509 и 1531 гг. были заключены с ливонской стороны от имени магистра, архиепископа и всех ливонских епископов), постольку совершенно очевидно, что в них под «Великим озером» понималась акватория Чудского и Теплого озер. Что касается топонима «Псковское озеро», то он обозначал южную часть Чудско-Псковского водоема, известную и сейчас под тем же названием.

Нам представляется, что для идентификации топонимов феодального периода с современными номенклатура их, принятая в межгосударственных договорах, имеет особое значение, ибо естественно, что в договоры включались официальные, употреблявшиеся в государственной практике топонимы. Поэтому на основе анализа топонимов договоров мы вправе сделать заключение о том, что употребляющиеся в сохранившихся псковских источниках XV—первой половины XVI в. топонимы «Великое озеро» и «Псковское озеро» означали: первый — современные Чудское и Теплое озера, второй — современное Псковское озеро. Происхождение названия «Псковское озеро» объясняется, вероятно тем, что все его побережье принадлежало Пскову; озеро являлось псковским в полном смысле слова, и это обстоятельство нашло отражение в его наименовании. Топоним же «Великое озеро» возник, вероятно, в результате противопоставления его акватории, большей по размерам, акватории Псковского озера, меньшей по площади.

¹² Договор Пскова с Дерптским епископством 1509 г. Книга посольская метрики великого княжества Литовского. М., 1843, № 70, стр. 163—164. Ср.: Договоры Пскова с Ливонией 1509 и 1531 гг. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. 2-te Abteilung (далее — LUB 2). Bd. III. Riga—Moskau, 1914, № 584, S. 425; Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГД), ч. V, М., 1894, № 106, стр. 117.

Что касается топонима «Чудское озеро», встречающегося в двух известиях псковских летописей (см. стр. 72), то он не был характерен для номенклатуры топонимов, употреблявшейся в Псковской земле в рассматриваемое время. Он проник в псковские летописи, вероятно, под влиянием номенклатуры топонимов Новгородской земли, в источниках которой встречается название «Чудское озеро». Положение о том, что официальным названием Чудского озера в Псковской земле было «Великое озеро», а в Новгородской — «Чудское», особенно наглядно иллюстрируется заключенными в 1509 и 1531 гг. одновременно псковско-ливонскими и новгородско-ливонскими договорами: в псковско-ливонских договорах употребляется название «Великое озеро», в новгородско-ливонских — «Чудское». Отметим, что в немецких текстах новгородско-ливонских договоров Чудское озеро названо *Estensche See*, в немецких текстах псковско-ливонских договоров — *Grote See*,¹³ т. е. в обоих случаях имел место буквальный перевод названий, принятых в Новгородской и Псковской землях.

Вывод, к которому мы пришли, позволяет внести существенную поправку в идентификацию интересующих нас топонимов, предпринятую составителями указателей к изданию летописей: если сделанное ими отождествление Чудского и Великого озер является правильным для сохранившихся источников XV—первой половины XVI в. (при условии включения в акваторию Великого озера и современного Теплого озера), то отождествление Чудского и Псковского озер должно быть отвергнуто самым решительным образом.

С Чудско-Псковским водоемом связаны еще два топонима, упоминающиеся в псковских летописях при изложении военно-политической истории Пскова середины XV в. Мы имеем в виду «обидное место» — Озолицу и Желачко, — из-за которого в 1458 г. вспыхнула продолжавшаяся пять лет война между Псковом и Дерптским епископством.¹⁴ Война закончилась заключением в 1463 г. псковско-дерптского договора, по условиям которого право на спорную территорию закреплялось за Псковом. В договор были включены также статьи, обязывающие дерптского епископа уплачивать дань великому князю московскому и «дер-

¹³ Договор Новгорода с Ливонией 1509 г. СГГД, ч. V, № 57, стр. 41; договор Пскова с Ливонией 1509 г. LUB 2, Bd. III, № 584, S. 425; договоры с Ливонией Новгорода и Пскова 1531 г. СГГД, ч. V, № 105, стр. 111 и № 106, стр. 117.

¹⁴ Н. А. Казакова. Русь и Ливония 60-х—начала 90-х годов XV в. В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, стр. 309—313. Наиболее подробный анализ псковско-дерптской войны 1458—1463 гг. дан в работе: С. Stern. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Vorträge 1448—1463. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 5. Jg. H. 3/4, 1940. Но работа К. Штерна, вышедшая в Германии во время второй мировой войны, крайне тенденциозна: автор рассматривает военные столкновения между Псковом и Дерптским епископством как следствие «аннекционистской политики» Пскова. (Там же, стр. 373—374).

жать по старине» Русский конец и русские церкви в Дерпте. Эти статьи, включенные в договор, вероятно, благодаря поддержке, оказанной Пскову великим князем, сыграли важную роль в дальнейшем развитии русско-ливонских отношений (как известно, поводом к Ливонской войне 1558 г. послужил вопрос о юрьевской, расширительно ливонской дани). Хотя псковско-дерптская война 1458—1463 гг. закончилась результатами, имевшими большое значение для последующей истории русско-ливонских отношений, тем не менее ни ход войны, ни причины ее не могут считаться до конца изученными, так как до сих пор остается неясным местонахождение «обидного места» (Озолицы и Желачко), из-за которого вспыхнула война и на территории которого происходили частично военные действия.

Е. Болховитинов указывает, что в 1461 г. на восточном берегу Чудского озера была построена крепость, названная «на Озолице». И. Беляев определяет Озолицу как псковский пригород на восточном берегу Чудского озера, а Желачко называет урочищем, расположенным «на западном берегу Псковского озера, на самых границах с ливонцами». Озолица как псковский пригород (без указания его местоположения) фигурирует в работах Ф. Ушакова и Н. Окулич-Казарина. А. Васильев, возражая вслед за А. И. Никитским против определения Озолицы как псковского пригорода, не предлагает, однако, своего понимания этого топонима; что касается Желачко, то А. Васильев считает, что Желачко — это о. Желачкой (Порка — Пириссар), расположенный в южной части Чудского озера. Э. К. Паклар помещает урочище Желачко на восточном берегу Теплого озера, где-то близ устья р. Желча, но страницей выше пишет, что на о. Пириссар и поныне имеется дер. Желачек, а остров в целом иногда именуется русскими Желачким.¹⁵

Последняя в литературе на русском языке попытка определения и локализации топонимов «Озолица и Желачко» дана в «Трудах Комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища». Г. И. Складневская указывает, что Озолица — это употребляемое старожилами название о. Озолец, расположенного наряду с другими мелкими островами в районе слияния Теплого озера с Чудским (между о. Пириссар на западе и устьем

¹⁵ Е. Болховитинов. История княжества Псковского, ч. I. Киев, 1831, стр. 13; И. Беляев. История города Пскова и Псковской земли. М., 1867, стр. 31; Ф. Ушаков. Время основания города Пскова, границы Псковской страны и степень ее населенности в различные периоды ее существования. Историко-географический очерк. Труды Псковского археологического общества, 1907—1908 гг., Псков, 1909, стр. 25—26; Н. Окулич-Казарин. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1913, стр. 45; А. И. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, стр. 248; А. Васильев. Городок Кобыла и Кобылинский уезд. «Познай свой край», вып. IV. Псков, 1929, стр. 44—45, 52; Э. К. Паклар. Где произошло Ледовое побоище? Истор. записки, № 37, 1951, стр. 312, прим. 5 и стр. 313.

р. Желчи на восточном побережье Чудского озера).¹⁶ Т. Ю. Тюлина и Г. Н. Караев считают, что Озолицей назывался ранее существовавший в том же районе большой остров, от которого остались сейчас два небольших острова — Лежница и Станок. Т. Ю. Тюлина добавляет, что оба острова местные жители в настоящее время называют Озолицей.¹⁷ Из сравнения карт, имеющих в «Трудах Комплексной экспедиции»,¹⁸ видно, что Озолец и Лежница — это один и тот же остров, по-разному называемый различными авторами. Локализация топонима «Желачко» дается лишь Г. Н. Караевым: он полагает, что Желачко — это затопленная юго-восточная часть о. Пириссар.¹⁹ Таким образом, по мнению участников Комплексной экспедиции, топонимы «Озолица и Желачко» были связаны с островным районом в южной части Чудского озера (в полосе слияния его с Теплым озером), причем каждый из топонимов приурочивается к отдельному острову.

В зарубежной литературе местонахождение Озолицы и Желачко определяется в работе К. Штерна, посвященной псковско-дерптским отношениям середины XV в. К. Штерн считает, что Озолица псковских летописей — это о. Пириссар, на южном берегу которого расположена русская рыболовецкая деревня Желачко. К отождествлению Озолицы с Пириссаром К. Штерн пришел в результате наблюдений лингвистического порядка, исходной точкой для которых явилось прежнее название о. Пириссар — Порка. По мнению Штерна, Порка — это эстонское преобразование нижненемецкого *borke*, что значит дубильная кора; русские из дер. Желачко, указывает далее Штерн, имя Порка перевели Озолицей, устаревшим диалектическим обозначением дубильной коры, то ли в результате смешения для них близких *porka* и эстонского *paik* (дубильная кора), то ли, может быть, потому, что изготовлением дубильной коры действительно занимались на Порке.²⁰ Таким образом, Штерн, как и участники Комплексной экспедиции, топонимы «Озолица и Желачко» связывает с островным районом в полосе слияния Теплого и Чудского озер, но, в отличие от участников экспедиции, приурочивает оба топонима не к двум разным островам, а к одному — Пириссару.

Обзор литературы показывает чрезвычайную пестроту мнений, существующих по вопросу об определении и локализации

¹⁶ Г. Н. Складневская. Микротопонимика района работ экспедиции. Ледовое побоище. Труды Комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища, М.—Л., 1966, стр. 134 и 135, рис. 2.

¹⁷ Т. Ю. Тюлина. К вопросу о природных условиях в XIII в. в северной части Теплого озера. Труды Комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища, М.—Л., 1966, стр. 116, 119; Г. Н. Караев. Ледовое побоище и его трактовка на основе работ экспедиции. Там же, стр. 147.

¹⁸ Труды Комплексной экспедиции..., стр. 109, рис. 6 и стр. 135, рис. 2.

¹⁹ Г. Н. Караев. Ледовое побоище, стр. 147.

²⁰ С. Stern. Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Vorträge 1448—1463, S. 372—373. Комментарий к мнению К. Штерна см. далее.

топонимов «Озолица и Желачко». При этом выясняется, что большинство авторов, касавшихся этого вопроса, никак не аргументировало своих точек зрения. В тех же случаях, когда аргументация имела место, она сводилась либо к наблюдениям над современной топонимикой (преимущественно привлекались названия, бытующие у старожилов), либо к данным лингвистического порядка. И, как ни странно, ни один из исследователей для выяснения вопроса о топонимах «Озолица и Желачко» не проанализировал летописный текст. Попробуем это сделать.

Приведем сначала известия Псковской первой летописи, в которых речь идет об Озолице и Желачко:²¹ 1) 1458 г. — «Князь Александръ Васильевич и посадники псковьския, с мужи псковичами, ѣхавше на землю святыя Троица, на Озоличю, и на Жолочке сено покосиша, и ловцемъ своимъ повелѣша рыбы ловити по старинѣ; и церковь поставиша во имя святого архистратига божия Михаила»; 2) 1459 г. — «Нѣмцы, изгонивше изгоною... на то обидное место, на Озоличю... сожгоша и церковь архистратига божия Михаила»; 3) 1459 г. — «Того же лѣта... псковичи ехавше в насадахъ и в лодиях на то же мѣсто, на Озоличю...»; 4) 1460 г. — представители Пскова поехали на «Озоличю и на Жолочко, обидное место...»; 5) 1461 г. — по условиям перемирия между Псковом и дерптским епископом немцы возвратили псковские иконы, «что на Жолочько церковь сожыгоша»; 6) по миру 1463 г. между Псковом и Дерптским епископством, «которое обидное мѣсто на Жолчи, вода и земля, то псковичи отняша» (в Погодинском списке Псковской первой летописи вместо «на Жолчи» читается «на Жолачки»).

Из летописных известий явствует, что «обидное место» было отделено от Пскова водным пространством, для преодоления которого псковичи использовали суда, приспособленные для дальних поездок — насады и ушкуи (известие № 3); в «обидном месте» было развито рыболовство (известие № 1). Все это говорит о правильности заключения тех исследователей, которые связывали топонимы «Озолица и Желачко» с озерным краем, предположительно с его островной частью.

Отметим далее, что «обидным местом» в летописи называется то Озолица и Желачко вместе (известие № 4), то одна Озолица (известие № 2), то одно Желачко (известие № 6). Таким образом, при раскрытии термина «обидное место» налицо, с одной стороны, объединение обоих топонимов, а с другой — замена одного топонима другим. Это свидетельствует, как нам кажется, о том, что топонимы «Озолица и Желачко» были связаны с одной местностью (предположительно островом), а не с разными, ибо

²¹ Псковские летописи, выпуск первый, стр. 55—57, 61, 67, 69. Известия Псковской второй и Псковской третьей летописей мы приводить не будем, так как, во-первых, эти летописи более поздние, во-вторых, имеющиеся в них упоминания Озолицы и Желачко не дают ничего нового по сравнению с Псковской первой летописью.

в последнем случае речь должна была бы идти не об «обидном месте» (ед. число), а об «обидных местах» (множ. число), кроме того, не могла иметь места замена одного топонима другим.

В пользу предположения, что топонимы «Озолица и Желачко» связывались с одной местностью (предположительно островом), говорит и текст первого известия: в 1458 г. псковичи «ѣхавше... на Озоличю, и на Жолочке сено покосиша, и ловцемъ своимъ повелѣша рыбы ловити по старинѣ; и церковь поставиша во имя святого архистратига божия Михаила». Здесь указывается, как нам кажется, что псковичи поехали в местность (надо думать, на остров), называемую Озолицей, и в этой местности, в той ее части, которая называется Желачко, покосили сено и велели ловцам ловить рыбу, и там же на Озолице, в Желачко, поставили церковь св. Михаила. Таким образом, если считать Озолицу определенной местностью (предположительно островом), а Желачко частью ее или населенным пунктом на ней, то текст летописного известия оказывается ясным и логичным. Если же предположить, как это считают участники Комплексной экспедиции, что топонимы «Озолица и Желачко» относились к разным островам, то непонятно, каким образом псковичи, поехавшие на о. Озолицу (указана как цель поездки псковичей одна местность), покосили сено на Желачко, расположенном на другом острове, 2) непонятно также, где же построили церковь псковичи: на Озолице или на Желачко?

Разберем в этой связи последующие упоминания церкви в летописи: под 1459 г. указывается, что немцы, совершившие набег «на то обидное место, на Озоличю», сожгли там церковь архистратига Михаила (известие № 2), т. е. ту самую церковь, которую псковичи построили в 1458 г.; по условиям перемирия между Псковом и Дерптским епископством 1461 г. немцы возвратили псковские иконы из сожженной на Желачко церкви (известие № 5), очевидно той, которая была сожжена в 1459 г. Таким образом, в обоих известиях речь идет об одной и той же церкви, но в одном она названа церковью на Озолице, в другом — церковью на Желачко. Такая замена топонимов станет понятной, если приять нашу интерпретацию летописного известия под 1458 г. о постройке церкви архистратига Михаила как о постройке, имевшей место в местности (предположительно на острове) Озолица, в той ее части (или в том населенном пункте на нем), которая называлась (или который назывался) Желачко.

Итак, анализ летописных известий с упоминанием топонимов «Желачко и Озолицы» позволяет, как нам кажется, сделать следующий вывод о их соотношении: топоним «Желачко» относился к топониму «Озолица» как часть к целому.

Попробуем теперь их локализовать. Мы уже указывали, что авторы, писавшие на рубеже 30—40-х годов (Э. К. Паклар, К. Штерн), отмечали, что Желачко — это существовавшая в то время на о. Пириссар деревня (см. стр. 76—77). В дополнение

укажем, что на карте Псковской области 1775 г. о. Пириссар называется «Желачкой» и на нем обозначен сельский населенный пункт с церковью;²² поскольку населенный пункт нанесен на карту без названия, постольку можно предполагать, что он назывался так же, как остров. Нет никаких сомнений в том, что дер. Желачко начала 40-х годов XX в., сельское поселение с церковью на о. Желачком, отмеченное на карте 1775 г., и летописное Желачко, в котором псковичи в 1458 г. построили церковь св. Михаила, — это один и тот же населенный пункт, следовательно, Желачко XV в. было расположено на о. Пириссар.

Если теперь мы вспомним, что Желачко относилось к Озолице как часть к целому (вывод, полученный на основе анализа летописных известий), то должны будем сделать заключение, что Озолица псковских летописей — это современный Пириссар. В этой связи нам представляется удачной предложенное К. Штерном объяснение летописного топонима «Озолица» как русского перевода старого названия о. Пириссар — Порка, представляющего собой эстонское преобразование нижненемецкого *borke* (дубильная кора). Уточняя гипотезу К. Штерна, отметим, что на старых картах Ливонии о. Пириссар — Порка называется *Borke* (так он обозначен на карте Ливонии конца XVII в. голландского картографа Юстуса Данкертса²³). Нижненемецкое название острова *Borke* (дубильная кора) в результате смешения его с эстонским *paik* (дубильное вещество)²⁴ русские действительно могли перевести как «Озолица», тем более что при дублении кож употребляется как дубильная (особым образом вымоченная) кора, так и зола, полученная в результате сжигания деревьев. Предложенное К. Штерном отождествление Озолицы с о. Пириссар, на южном берегу которого находилось поселение Желачко, на наш взгляд, следует принять.

Что касается топонима «Желачко», то мы думаем, что своим происхождением он связан с р. Желчью, протекающей через Псковщину и впадающей в Чудское озеро в 10 км к юго-востоку от того места на о. Пириссар, где находилось Желачко.²⁵ Вполне возможно, что русское поселение на о. Пириссар было основано выходцами с берегов р. Желчи, давшими своему новому месту жительства родное для себя название.

²² Генеральная карта Псковской губернии, разделенной на пять провинций. Соч. Я. Ф. Шмидт. 1775. Отдел картографии ГПБ, К $\frac{1. \text{ Зап.}}{10a \ 2}$.

²³ *Ducatum Livoniae et Curlandiae novissima tabula in quibus sunt Estonia Litlandia et aliae minores provinciae per Justum Dantirtis Amsterdami.* Отдел картографии ГПБ, К $\frac{O-Balt. P}{27a}$ 2. Датировка карты дана по каталогу карт Отдела картографии ГПБ.

²⁴ Карманный эстонско-русский словарь. М., 1934, стр. 456.

²⁵ Расстояние в 10 км указывает К. Штерн (С. Stern. *Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Vorträge 1448—1463*, S. 401—402).

Идентификация летописной Озолицы с о. Пириссар помогает понять, почему именно из-за «обидного места» (Озолицы и Желачко) в середине XV в. вспыхнула война между Дерптским епископством и Псковом: о. Пириссар, наиболее крупный из островов Чудского озера, расположен примерно на равном удалении от дерптских и псковских берегов, на границе, как мы теперь сказали бы, территориальных вод Пскова и Дерптского епископства; к тому же мимо южного берега острова (а Желачко было расположено на южном берегу) проходил важный торговый путь (он вел от устья р. Эмайыги на дерптском берегу Чудского озера мимо Пириссара к берегам Псковщины), соединявший Псковскую землю с Ливонией.²⁶ Одним из результатов войны 1458—1463 гг. было, как уже отмечалось, закрепление власти псковичей в важном для них районе Желачко на о. Пириссар.

С. М. КАШТАНОВ

БОГОСЛОВСКАЯ ПРЕАМБУЛА ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ

Русское «богословие» (по терминологии А. С. Лаппо-Данилевского¹), вполне тождественное invocatio западных актов, находим в духовных и некоторых данных грамотах: «Во имя отца и сына и святого духа»; «Во имя святыя Живоначальныя Троицы» (ср.: in nomine trinitatis, in gottes namen). В иммунитетных грамотах богословие в чистом виде, как правило, не встречается. Исключение составляют грамота тверских князей 60-х годов XIV в. Отрочу монастырю и повторяющая ее формуляр грамота 30-х годов XV в. тому же монастырю: «Во имя святыя Троицы — отца и сына и святого духа».²

Наличие богословия в грамоте Отрочу монастырю XIV в. показывает, что грамота имела значение не только жалованной, но и духовной. В литературе этот акт датируют временем между 1362 и 1364 гг., так как среди жалователей не упомянут сын великого князя Тверского Василий Васильевич, умерший в 1362 г., и, наоборот, фигурируют князья, скончавшиеся в моровое поветрие 1364 г.³ Вероятно, грамота составлялась в условиях морового поветрия, незадолго до смерти князей-жалователей. Намеком на тревожные обстоятельства, сопровождавшие выдачу акта, служат,

²⁶ Э. К. Паклар. Где произошло Ледовое побоище? стр. 312.

¹ А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Пгр., 1920, стр. 135—136, также у А. Лакнера.

² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. (далее — АСЭИ), т. III. Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1964, № 116, 117. Здесь и далее без оговорок недатированные грамоты указываются с датами, принятыми в используемых нами изданиях.

³ Там же, стр. 153, прим. к № 116; ср.: Памятники русского права, вып. III. Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955, стр. 116—119.